

ОГЛОБЛИН А. К.

# ДИАХРОНИЯ И МОРФОЛОГИЯ МАЛАЙСКО-ЯВАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Целью настоящей статьи является обобщение данных по исторической морфонологии некоторых языков области Явы — Суматры — Малаккского п-ва и выяснение тенденций типологической эволюции этих языков в пределах, в основном, данного языкового уровня. Мы будем рассматривать языки малайский, сунданский, яванский, мадурский, ачехский и минангкабау. Условимся называть эти языки малайско-яванскими, не придавая этому названию строгого генеалогического смысла<sup>1</sup>.

По аналогии с синхронной типологией, задачей диахронической типологии можно считать классификацию языков по видам языковых изменений и, в перспективе, отыскание логических зависимостей между этими изменениями. Если эта задача ограничивается рамками какой-либо исторически сложившейся группы языков, нередко возникает возможность представить разные типологические классы языков как последовательные стадии реализации какой-либо длительной исторической тенденции, «различные стадии единого процесса» [6]. Так, о «синитических» языках Китая и Юго-Восточной Азии С. Е. Яхонтов пишет: «Развитие всех изолирующих слоговых языков идет в одном и том же направлении... мы ... можем обнаружить общую тенденцию, общее направление движения, сравнивая аналогичные изменения, происходившие в разных, часто неродственных языках» [7]. Относительно этих общих тенденций синитические языки разделяются автором на архаичные, средние и поздние, по признакам изменяемости корня, наличия тонов, словосложения и др., причем в один и тот же класс не обязательно входят языки, сосуществующие во времени (например, в архаичный класс — кхмерский и древнекитайский). Другой пример — классификация германских языков К. Хуттерера [8]. Современные языки этой группы он распределяет по оси «архаичный — новый» на пять классов, от исландского до африканс. Напротив, языки разных эпох, как, например, исландский и древнеанглийский, могут входить в один типологический класс.

В отношении австронезийских (далее — АН) языков отмечается, что максимальное число архаизмов сосредоточено в северном ареале их распространения, включающем Тайвань и Филиппины, о чем см., например,

<sup>1</sup> Малайско-яванская группа языков выделена как генетическая единица в составе четырех первых названных языков в работе Б. Нотхофера [1], содержащей компаративный анализ большого корпуса когнатных морфем вместе с праформами разных генеалогических уровней. Некоторые данные вызывают сомнение в существовании этой группы языков именно в таком составе [2]. Напомним, что малайские диалекты (общее число носителей около 15 млн.) существуют, в частности, на Суматре, Малаккском п-ове и Яве (джакартский). Суматранские диалекты были базой древнемалайского языка VII—XIV вв., полуостровные — средневекового малайского XIV—XIX вв. (далее сокращенно ТМ: традиционный малайский). Малайские диалекты на Яве сложились в результате длительного контактного процесса при участии местных, а также неродственных языков. На базе ТМ и диалектов Явы и соответственно Полуострова в XX в. сформировались индонезийский и малайзийский языки — две современные формы литературного малайского (последнее название ныне употребительно в Сингапуре и Брунее). См. об этом, например [3]. Минангкабау (5,6 млн., Западная Суматра), судя по его арабизированной форме, возникшей не ранее XVI в., отделился от малайского сравнительно поздно. О языках Явы см., например, нашу статью [4], со следующими поправками о числе носителей: яванский — 67 млн., сунданский — 19 млн., мадурский — 8,7 млн. Ачехский — язык на Северной Суматре (2,2 млн.; здесь и выше оценочные демографические данные на конец 70-х годов по справочнику [5]).

в работе Ю. Х. Сирка [9]. Это касается и грамматики, в частности, глагольной системы: как полагают О. Даль и другие авторы, по основным характеристикам этой системы праавстронезийский (далее — ПАН) язык был довольно близок филиппинским языкам [10]. Судя по этим доводам и соображениям, малайско-яванские языки оказываются включенными в большую зону структурных инноваций. В этом плане представляет интерес и то, что древнеяванский язык, как было замечено еще в прошлом веке, материально и структурно ближе к филиппинским языкам, чем новояванский. Например, инфиксы (инфикс-префиксы) *-in-*, *-um-*, известные в филиппинских языках, продуктивны и в древнеяванском, так же как и характерная филиппинская черта — вставка инфикса внутрь префикса: *pa-*ka- — *pin-*ka-. В новояванском эти аффиксы утрачены или потеряли продуктивность. Как можно судить по скудной древнемалайской эпиграфике, в малайском также исчезли некоторые аффиксы, сближающие его с филиппинскими языками.

Одна из причин структурных инноваций в АН семье, как и других языковых семьях, — контакты с языками иной структуры. Примерами могут служить чамский и другие АН языки Индокитая, оказавшиеся в окружении неродственных изолирующих языков, языки Восточной Индонезии и малагасийский, для которых предполагаются субстраты — «папуасский» (условное название) и соответственно банту. Контакты представляют, однако, чрезвычайное разнообразие языковых ситуаций, эволюционные последствия которых могут быть очень различны. Возможно, иногда контакты ускоряют «эволюционную инерцию» системы — т. е. тенденции, обусловленные ее внутренними свойствами. Этим можно объяснить наблюдаемый иногда параллелизм эволюции типологически близких, но ареально разобщенных языков. Очевидна, во всяком случае, теоретическая важность проблемы различения внутрисистемных и внешних факторов эволюции языка, и отличия обоих этих факторов от более общего фактора развития, т. е. функционального совершенствования.

Что касается классификационных признаков, то их выбор определяется особенностями языков данной группы, и изучаемым языковым уровнем. В связи с первым фактором означенные признаки могут в разной степени отличаться от тех признаков, которые используются в глобальной типологии (макротипологии). Подытоживая опыт сопоставления иберо-романских языков, Е. М. Вольф пишет: «Типологические признаки, выработанные в общей типологии, для таких структурно близких языков использованы быть не могут» [11]. Действительно, с точки зрения макротипологии такие языки попадают в один и тот же класс, внутри которого деление осуществляется по иным признакам, нежели выделение самого этого класса. Но в области морфонологии классификационные признаки в принципе менее разнообразны и, возможно, ближе к общетипологическим, чем, например, признаки глагольных конструкций. Некоторые признаки, введенные ниже, относятся к малайско-яванской группе как к целому.

1. Изменения в слоговом составе морфем. По слогосоставу морфем изучаемые языки объединяются благодаря преобладанию морфем-двуслогов, а различаются по относительному содержанию односложных морфем. В сунданском, по оценке А. Фоккера, морфем-двуслогов не менее 80% [12, с. 22], в яванском, по данным Э. Уленбека, — 85% [13, с. 231], в индонезийском, по подсчету Е. М. Щуко, — 87% [14]. Двусложность — исторически устойчивая черта АН корней, вероятно, унаследованная от ПАН состояния, в корнеслове которого, реконструированном О. Демпвольфом, двуслоги достигают 96% [15]. Это сближает малайско-яванские языки со многими другими родственными языками.

Малое количество односложных морфем характеризует, видимо, все языки Явы, включая индонезийский. По-видимому, ни в одном из них содержание морфем-однослогов не достигает 5% (о яванском и индонезийском см. упомянутые работы). Чрезвычайно показательны, по словам Л. Г. Зубковой, чередования нетипичных однослогов с типичными двуслогами в индонезийском: последние образуются с помощью протезы гласного [ə]: *gung* — *egung* «гонг» [16, с. 213]. Такая протеза характерна для

сунданского, мадурского и яванского <sup>2</sup>: мад. *ejham* < мал. *jam* «час» <sup>3</sup>, *erpot* < гол. *pot* «горшок, ваза», снд. *eros* < гол. *roos* «роза», яв. (варианты) *elèr* — *lèr* «север». Другой предполагаемый путь бисиллабизации — «расщепление» гласного, распределение его на два слога со вставкой консонантного элемента: снд. [*gɔʔɔɔ*] — яв. [*gɔɔ*] — «гонг», снд. [*saʔat*] — яв. *a-sat* «сухой», мад. [*rɔʔəm*] — др.-яв. *rūm* «ароматный», мкб. *Ruhum* < араб. *rūm* «Византия; Турция», ач. *teu'ōt*, мад. [*tɔʔɔt*], ср. мал. *lutut* «колесо» и *ber-t-el-ut* «становиться на колени», см. [12, с. 40—41; 18; 19, с. 432].

В древнеяванском нередки однослоги, восходящие, согласно реконструкции, к ПАН двуслогам: др.-яв. *wwah* < ПАН \**buah* «плод», др.-яв. *bwat* < ПАН \**bəwat* «тяжесть». В дальнейшем из таких однослогов образовались (с вытеснением их или сохранением в качестве вариантов) двуслоги, т. е. часть яванской лексики пережила циклический процесс от двуслога к однослогу и обратно. Обратная бисиллабизация довольно подробно рассмотрена Й. Де Каспарисом. Основную роль при этом играли протезы гласных [ə], [i], [u], аффиксация, удвоение и сложение морфем с последующей лексикализацией полученного двуслога: *wwah* — *iwah* «плод», *tūt* — *etut* «следовать», *srah* — *pasrah* «отдавать», *gya* «спешка» — *gegé* «спешить», *tan wruh* — *tambuh* «не знать». «Там, где влияние фонетических законов, — пишет автор, угрожало двусложной структуре, говорящие нашли средства эту структуру восстановить» 20).

В ачехском языке значительная часть словаря — однослоги, соответствующие двуслогам родственных языков: ач. *thon* — ТМ *tahun* «год», ач. *tron* — ТМ *turun* «опускаться», ач. *ba* — ТМ *bawa* «нести».

Моносиллабизация корнеслова — заметное явление и в малайских полустровных диалектах [21, 22]. Сильнее всего она выражена в северных диалектах и говорах Западной Малайзии.

И в ачехском, и в малайзийских диалектах моносиллабизация, скорее всего, объясняется контактно. Значительные материальные и структурные схождения ачехского с мон-кхмерскими языками, обстоятельно рассмотренные Х. Кованом, заставляют предположить мон-кхмерский субстрат на занимаемой ныне ачехским языком территории Северной Суматры, хотя автор больше склонен подчеркивать контакт ачехского с малайским [19, с. 432]. Ачехско-малайский контакт, однако, скорее относится к числу торгово-обменных, обычных для малайского языка в прибрежных районах и охватывающих небольшую прослойку местного населения. Ср. мнение К. Снаука Хюргронье, высказанное этим крупным знатоком Аче в конце XIX в.: «Средний ачехец, не живущий на побережье, и даже большинство портовых жителей не знают по-малайски почти ни слова» [23].

В малайских диалектах моносиллабизация наиболее интенсивна в районах контакта с тайским, а в прошлом — с мон-кхмерскими диалектами или языками.

Причины моносиллабизации в древнеяванском неизвестны. Не следует ли и здесь предположить древние контакты, следы которых в истории утрачены?

2. Синхронное варьирование слогосостава морфем и диахрония. Сокращение слогосостава значимых единиц в беглой речи свойственно, вероятно, всем языкам: неуниверсальны лишь ограничения, накладываемые на эту закономерность в языках того или иного типа. В части малайско-яванских языков — кроме малайских полустровных диалектов и, по всей вероятности, ачехского — такое ограничение связано с канонической двусложностью морфемы, при которой некоторые однослоги-заимствования сохраняются в книжной речи, а в разговорной становятся двусложными (см. выше примеч. 2). Все-таки правила сокращения слогосостава морфем в беглой речи имеются во всех обсуждаемых языках. Основные из этих правил следующие.

1. Усечение до последнего слога: снд. *latun* — *tin*, мад. *laton* —

<sup>2</sup> В яванском толковом словаре [17] нередки отсылки от двусложного варианта с [ə] к однослогу — очевидно, как к более литературному.

<sup>3</sup> В мадурском протеза [ə] сопровождается геминацией согласного, начинающего однослог.

*mon* «если», ин. *satu* — *tu* «раз, один», *tiga* — *ga* «три», *barak* «отец» — *pak* «батушка!» (обращение), яв. *maju* — *ju* «вперед!»<sup>4</sup>, *raða* — *da* «одинаково», *Padma* и. с. м. Падмо — *Ma* (форма обращения к Падмо) [13, с. 65], млз. *apa* — *pa* «что?».

2. Стяжение смежных или разделенных щелевым сонантом либо [h] гласных: яв. *duwé* — *dé* «иметь», *tau* — *tu* «давеча» [13, с. 59], снд. *naña* — *na* «что?» [12, с. 22]; дифтонгизация двусложной группы гласных: ин. *tau* — [təu] «хотеть», [təmulai] — [təmulai] «начинать» [16, с. 215].

3. Выпадение гласного с сохранением предшествующего согласного в антепенультимах или пенультимах: ин. [bəri] — [bri] «давать» [3, с. 45], улу-муарск. (один из малайских полуостровных говоров) [tapi] — [tɾi] «край», [tompayan] — [tmɾayan] «кувшин» [24, с. 109—110].

Первое правило особенно интенсивно применяется в малайских полуостровных диалектах и в разговорном малайском Западной Малайзии. Оно известно также в минангкабау [25]. По второму правилу данных очень мало, и оно требует дальнейшего изучения. Третье правило интересно тем, что имеет довольно отчетливую диахроническую проекцию: языки распределяются по стадиям эволюции слогосостава. Можно выделить по меньшей мере четыре таких стадии, — включая начальную и конечную, в которых чередования почти или совершенно отсутствуют.

Стадия 1. Чередований с материальным нулем практически нет: древнеяванский, сунданский и мадурский. В древнеяванском словаре варианты редки: *geremus* — *gremus* «царапать». В текстах гласный [ə] часто пропускался, но эти пропуски, судя по соотношению их с правилами персификации, не отражали произношения [26]. В литературных сунданском и мадурском языках чередования встречаются под влиянием заимствования из яванского, что особенно наглядно видно в западномадурском диалекте, более близком яванскому, чем литературный язык: мад. *carèta* — *crèta* «рассказ», снд. *karana* — *krana* — «причина». В сунданском толковом словаре часто дается отсылка к полногласному варианту.

Стадия 2. В антепенультимах гласные [a], [i], [u] чередуются с нейтральным и более кратким [ə], а в антепенультимах и пенультимах нейтральный гласный чередуется с нулем (яванский и малайский, кроме некоторых полуостровных диалектов): яв. *nagara* — *negara* «город», *sinuhun* — *senuhun* «властитель», *gumagus* — *gemagus* «щеголезватый» [13, с. 14], [malaku] — [mlaku] «ходить», [gaməlan] — [gamlan] «гамелан» [27] ин. [kalimat] — [kalimat] «предложение, фраза» [3, с. 29], [pərau] — [prau] «лодка», млз. [dərama] — [drama] «драма» (второй вариант в последней паре сейчас считается более правильным). Ввиду комплексного характера признака он допускает некоторую детализацию, которую мы не рассматриваем.

Стадия 3. С нулем чередуются другие, не нейтральные гласные. Это мы видим в улу-муарском диалекте. См. примеры выше, а также: [sakit] «болеть» — [skit atí] «обижен», [situ] «там» — [stu-á] «вон там» [24, с. 110].

Стадия 4. Чередование отсутствует: бывшая позиция чередования между согласными уже не заполняется гласным, что приводит к устойчивому консонантному сочетанию. Этой стадии соответствует ачехский (см. примеры выше), а среди полуостровных малайских диалектов — говоры внутренних районов Кедаха, где встречаются формы, сходные с ачехскими: *thong* — ТМ *tahun* «год» [24, с. 76] (примеры скудны).

3. Асиллабичные и асегментные морфемы. Морфемы, не содержащие слогоносителей (т. е. практически гласных), в малайско-яванских языках единичны. Все они служебные и большей частью существуют в виде двух алломорфов — силлабичного и асиллабичного, один из которых может быть стилистически маркирован: либо силлабичный является книжным, как яв. *aN-*, либо асиллабичный — разговорным, как ин. *N-* (ср. ниже)<sup>5</sup>. С типологической точки зрения важнее,

<sup>4</sup> Знаки *c*, *j* означают среднеязычные аффрикаты, *y* — такой же сонант.

<sup>5</sup> Вариант *N-* в индонезийском чаще встречается в разговорном языке вместо [mN-]: *tikus* вм. *metikul* «бить» от основы *-rikul*. Префиксы с конечным назальным согласным, подверженным фузии, в АН языках не многочисленны, но продуктивны и характерны. Возможно, подобные префиксы существовали и в праязыковом состоянии.

по-видимому, асиллабичность реляционных, чем деривационных морфем: последние часто утрачивают продуктивность, а соответствующие дериваты в той или иной мере опрошены. Из реляционных морфем можно отметить древнеяванский артикль [ɟ] и встречающиеся в некоторых текстах показатели лица субъекта действия [28]. В новояванском эти морфемы исчезли. С другой стороны, в отличие от древнеяванского *aN-*, в языках Явы и отчасти в малайских диалектах используется глагольный префикс, в грамматиках обычно обозначаемый символом *N-*. Он реализуется либо сегментным способом — в виде одного из назальных сонантов, либо выступает в виде дифференциального признака назальности в составе согласного, принадлежащего, в порядке фюзии, префиксу и корню (или основе): мад. *ng-owan* «пасти», яв. *n-dongèng* «рассказывать сказку», ср. мад. *taca/N-baca/* «читать», яв. *prima/N-trima/* «смириться». В ТМ, индонезийском и малайзийском реляционных асиллабичных морфем нет; относительно полуостровных диалектов данных мало. Можно отметить местоименно-анафорический элемент [n] в улу-муарском и проклитическую морфему со значением «один» [s] в кедахском в позиции перед гласным корня: [sari] «один день». В сунданском и мадурском асиллабичные морфемы, кроме *N-*, по крайней мере, продуктивные, неизвестны, за исключением алломорфа *-n* суффикса *-an* в мадурском (впрочем, этот алломорф также не относится к продуктивным): *ghiba* «нести» — *ban-ghiban* «ноша».

В целом признак асиллабизма морфем трудно использовать для диахронической классификации изучаемых языков. Он имеет, однако, большое общетипологическое значение. Как показывает В. Б. Касевич, отсутствие асиллабичных морфем является свойством слоговых языков [29]. Таким образом, по данному признаку малайско-яванские языки оказываются близкими слоговому типу.

4. Сегментная структура морфемы и слога. Сюда относятся признаки а) консонантных групп в начале морфемы и слога, б) состава согласных в конце морфемы и слога, в) интервокальных консонантных групп в морфеме. Первый признак связан с варьированием слогосостава, рассмотренным выше. Выпадение гласного ведет, как видно из примеров, к образованию начальных стечений согласных. В сунданском и мадурском языках тенденция избегать таких начальных групп сильнее, чем тенденция к двусложности, ср. преобразование заимствований: мад. *kalèbun* < яв. *kliwon* «староста», снд. *Parasman* < гол. *Fransman* «француз». В яванском положение обратное. Уже в древнеяванском начальные группы согласных в заимствованиях обычно не адаптировались, хотя в исконном корнеслове таких групп совсем или почти не было. В дальнейшем древнеяванские трехслоги, утратив первый гласный перед плавным [r], [l], образовали новояванские двуслоги: *kalambi* — *klambi* «куртка, рубашка», *kulimis* — *klimes* «гладкий, скользкий», *kirincing* — *[kripceɟ]* «звон». В малайском на раннем этапе, как о том свидетельствуют заимствования типа *seloka* «стихотворная максима» из скр. *çloka*, «двустипшие», начальные группы согласных избегались; в современном индонезийском (и в джакартском диалекте), как показывает К. Грейнс, такие группы нормальны [30]. В малайзийском произношении такие группы, по нашим наблюдениям, также обычны, и они кодифицированы новейшими орфографическими правилами. Они регулярно чередуются с сегментами, содержащими гласный — чаще всего [ə]. Такое же положение в полуостровных диалектах, причем основным может быть вариант с гласным или без гласного. В ачехском языке консонантные группы в начале морфемы весьма разнообразны и многочисленны.

Признак ограничений консонантизма в конце морфемы более или менее равнозначен степени консонантной контрастности ан- и ауслаута, так как в первой позиции возможны все или почти все согласные каждого языка. Выделяются три типологических класса. Слабоконтрастные языки — древнеяванский и сунданский: в них звонкие согласные возможны не только в ан-, но и в ауслауте, что сближает их с таким языком, как тагальский. Умеренно контрастные языки — малайский, яванский и мадур-

ский. В малайском не бывают в исходе морфемы звонкие, за исключением редких заимствований, в которых звонкий может произноситься перед начальным гласным суффикса: [jawab-an] «ответ» (вариант [jawab-an]). В мадурском также отсутствуют конечные звонкие (конечные аспираты регулярно появляются перед гласным суффикса: *totobh-i* «закрывать»). В яванском произношение аспират в такой же позиции является устаревшим [13, с. 42—43]. Сильноконтрастные языки — ачехский и малайские диалекты полуострова, хотя в последних перед гласным суффикса в части лексики (возможно, под влиянием литературного языка) может восстанавливаться согласный, отсутствующий в абсолютном исходе: улу-муарск. *tapih* «цедить» — *tapis-an* «фильтр» [24, с. 93]. В рамках слога степень контрастности мадурского сближает его с древнеяванским и сунданским, поскольку конечнослоговой звонкий согласный возможен в инлауте при геминации: [kəd/diʔ] «тревожиться». В редких случаях это возможно и в индонезийском при сочетании различных смычных: *Ab/dul* «Абдул», ср. [31].

В отношении инлаута морфемы можно ориентироваться на сложный признак «степень разнообразия допустимых интервокальных групп согласных». Но практическое применение этого признака осложнено тем, что в литературных языках имеется немало редких сочетаний согласных в неадаптированных или частично адаптированных заимствованиях. Например, в мадурском сочетание [str] встречается лишь в двух-трех морфемах: *èstrè* «женщина» (< скр. *stri*). Если отвлечься от заимствований, то можно выделить два направления инноваций: к уменьшению и к увеличению разнообразия интервокальных групп. Первая тенденция свойственна малайзийским диалектам и литературному языку. В келантанском диалекте утратились столь характерные для малайско-яванских (и АН вообще) языков гомоганные группы «назальный сонант + глухой смычный»: кел. *laca* — ТМ *lancar* «беглый, плавный» [32]. В большинстве полуостровных диалектов и в преобладающем произношении малайзийского языка в результате падения ТМ [r] в конце слога упростились сочетания [r] с другим согласным: [kəjə] — ТМ *kerja* «дело, работа». Второе направление инноваций — к большему разнообразию интервокальных групп — свойственно мадурскому. Уже упомянутая геминация — по крайней мере, для значительной части лексики — представляет, безусловно, инновацию, что видно по заимствованиям из санскрита, арабского и других языков: мад. *pojha* < скр. *puja* «почитание», мад. *nabbhi* < араб. [nabiʔ] «пророк». Кроме того, в мадурском появились сочетания «назальный смычный + аспирата»: *tèngghi*, ср. мал. *tinggi* «высокий».

Древне- и новояванский, сунданский и индонезийский занимают по данному признаку среднее положение, хотя при более детальном рассмотрении между ними можно обнаружить различия.

Ачехский и минангкабау близки к полуостровному типу: в них интервокальные сочетания избегаются, ср. ач. *meuseukin*, мкб. *misikin* или *mikin* — мал. *miskin* «бедный» (< араб. *miskin*).

5. Суперсегментная фонология и фонетика. В этой области для диахронической классификации недостаточно данных в пределах малайско-яванской группы; интересно, однако, ее положение относительно других родственных языков. В отличие от таких языков, как тагальский, тоба-батакский или бугийский, для морфемы и слова в малайско-яванских языках типично отсутствие фонологически значимых просодических или иных суперсегментных явлений — в том числе и словесного ударения. Возможное исключение представляет назальная ассимиляция гласных в сунданском языке, обнаруженная Р. Робинсом, которая как будто способна различать слова разной морфемной структуры [33]. В остальных языках суперсегментные средства служат целям сегментации текста (делимитативная функция Трубецкого). К ним относится гармония гласных по подъему в индонезийском, возможно также, в яванском и сунданском языках. Эта гармония ограничена пределами корневой морфемы (об индонезийском см. [3 и 34]). В отличие от этого, в мадурском наблюдается прогрессивная ассимиляция гласных по подъему, захватывающая

не только корневую морфему, но и суффикс [35]. Отсутствие фонологического ударения — видимо, инновация малайско-яванских языков в целом: менее вероятно появление такого ударения в порядке инновации в филиппинских и других родственных языках.

Что касается делимитативного ударения, то оно, видимо, не вполне одинаково в разных языках группы. В частности, дифтонгизацию гласных в последнем слоге в минангкабау, полуостровных малайских диалектах и ачехском можно, вслед за некоторыми исследователями, в том числе Х. Кованом, связать с переносом ударения (делимитативного, но не фонологического) на этот слог. Это согласуется с элизией первого слога в той или иной части лексики (ср. выше).

6. Тенденция к совпадению морфемных границ со слоговыми. Обязательное совпадение границ этих двух видов — закономерность слоговых языков, например, китайского или бирманского. Исторические изменения в соотношении слоговых и морфемных границ означают либо приближение к слоговому типу — если совпадение границ возрастает, либо удаление от него — если это совпадение становится более редким. В фонологической типологии, разработанной В. Б. Касевичем, некоторые индонезийские языки отнесены к неслоговым с чертами силлабизма [29]. Отличием их от слоговых языков является то, что Касевич называет ресиллабацией, т. е. смещение слоговых границ относительно морфемных: согласный одной морфемы объединяется в одном слоге с гласным другой: ин. *minut* «пить» — *minu/m-an* «питье». В слоговых языках ресиллабация не допускается.

В малайско-яванских языках ресиллабация бывает префиксальная, инфиксальная и суффиксальная, в зависимости от того, каким морфемам принадлежит предшествующий согласный и последующий гласный: префиксу и корню — ин. *ikut* «следовать» — [*pəŋ-i/kut*] «последователь»; корню, инфиксу и опять корню: др.-яв. *tulis* «писать» — *t-i/n-u/lis* «написан»; корню и суффиксу: мад. *ènot* «пить» — *-èno/m-e* «поить» (см. также выше индонезийский пример) <sup>6</sup>.

Соответственно, сужение сферы ресиллабации при прочих равных условиях происходит, если в языке утрачивается продуктивность или убывает число 1) инфиксов с начальным гласным и конечным согласным, 2) согласноконечных префиксов, 3) гласноначальных суффиксов, 4) согласноконечных корней, 5) гласноначальных корней. При этом имеются в виду силлабические (не «меньшие слога») морфемы, а при наличии алломорфов учитываться должны те из них, которые участвуют в аффиксации.

Все перечисленные явления наблюдаются в малайско-яванских языках.

1) Инфиксы вида VC продуктивны в древнеяванском и сунданском: снд. *bodo* «глухой» — *barodo* «глухие» [35]. В новояванском инфикс *-it-* непродуктивен, а *-in-* принадлежит книжному стилю. Непродуктивны инфиксы и в малайском и мадурском, причем, судя по отдельным примерам из древней эпиграфики и некоторым опрощенным морфемам, инфикс *-it-* существовал и в древнемалайском.

2) Древнеяванский префикс *aN-* в новояванском отразился в виде *N-* (кроме книжного стиля, ср. выше). В ТМ, индонезийском и малайзийском конечный назальный префикса [*məN-*] переходит в следующий слог: *me/ng-a/sah* «точить», *me/ng-a/jar* «обучать». В улу-муарском и минангкабау в позиции перед гласным корня назальный элемент обычно утрачивается: улу-м. [*moasah*] «точить», мкб. [*maaja*] «обучать».

3) Гласноначальные суффиксы *-i* и *-an* в малайских диалектах менее продуктивны, чем в литературном малайском [21]. В ачехском утрачены все суффиксы. В яванском суф. *-ake* часто произносится [*ke*] и иногда пишется *ke*: *neruske* = *nerusake* «продолжать», *nguntungke* = *ngunt'ungake* «благодарствовать».

<sup>6</sup> При сочетании двух корней или компонентов повтора ресиллабация обычно не имеет места, хотя в разговорной речи встречаются исключения. Заметим, что инфиксы в изучаемых языках обычно вставляются после первого согласного корня и имеют структуру VC (*-in-*, *-ar-* и др.).

4) Конечные ТМ *-r* и *-l* утрачены в минангкабау и некоторых полуостровных диалектах, в части последних — и другие согласные. Таким образом, ТМ *ambi/l-an* «что-либо взятое» соответствует мкб. *ambiel-an* «дерево с оборванными листьями», ТМ *tengai/r-i* «обводнять» — мкб. *[maai-e-i]* (часто, однако, конечный *-r* или *-l* корня перед суффиксом, так же, как и в полуостровных малайских диалектах, восстанавливается).

Проблематично слогоделение при интервокальной гортанной смычке в мадурском, яванском и минангкабау:  $V^?V$  или  $V^?/V$ . В отношении мадурского языка, исходя из определенных фактов его фонологии и морфологии, можно присоединиться к А. М. Стивенсу, предлагающему второй вариант слогоделения [35, с. 30]<sup>7</sup>:  $[sa/ke^?/e]$  «обижать». Это значит, что ресиллабации нет, поскольку  $[^?]$  в таких случаях принадлежит корню:  $[sake^?]$  «болеть». Между тем гортанная смычка в ауслауте корневых морфем малайско-яванских языков является исторической преемницей некоторых других согласных, которые, очевидно, подвергались ресиллабации. Так, мад.  $[sake^?]$  возводится к праформе с конечным  $[t]$ , ср. мал. *sakit* «болеть» и *sa/ki/t-i* «обижать». Поэтому замена типа  $[t]$  —  $[^?]$  оказывается фактом не только исторической фонетики, но и типологической эволюции: эта замена устранила ресиллабацию, существовавшую в более раннем состоянии языка. Ср. также мкб.  $[laui^?-an] = [la/ui^?/an]$  (?), мал. *la/u/t-an* «океан» и мкб.  $[laui^?]$ , мал. *laut* «море».

5) Замена гласноначального корня согласноначальным происходила в истории яванского языка при падении начального гласного в трехсловах: *yuyu* < *ayu-yu* «краб, креветка», *tama* < скр. *uttama* «высший» (иногда с сохранением вариантов). Возможно, к явлениям этого рода следует отнести и опрощение префиксальных, при котором корень оказывается прикрыт согласным бывшего префикса: мад. *osa* 'речь' — *kosa* 'произносить' (варианты корня, частично распределенные по морфологическому окружению).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в ранних состояниях яванского и малайского языков ресиллабация, приводящая к несовпадению слоговых и морфемных границ, применялась шире, чем сейчас. В ачехском, малайских диалектах и минангкабау факторы ресиллабации относительно ослаблены, а сунданский, как и в других отношениях, более консервативен, сближаясь с древнеяванским. В мадурском языке геминация перед гласноначальным суффиксом является своего рода возвратом к древнеяванскому, где такая геминация нерегулярна и, по мнению специалистов, имеет реликтовый характер<sup>8</sup>: *k-in-on/n-akan* «повелевается» от корня *kon* «повелевать», *p-in-a-gěh/h-akan* «утверждается» от корня *gěh* «твердый» (примеры из надписи X в., см. [37]). Второй согласный геминаты принадлежит корню, но входит в один слог с гласным суффикса. В мадурском это явление регулярно: *toron* «опускаться» — *toron/n-aghi* «опускать».

Общая тенденция обсуждаемых языков по данному признаку — в направлении слогового типа.

7. **З а к л ю ч е н и е.** Тенденция к сокращению слогового состава морфемы, к совпадению слоговых и морфемных границ, к контрастности консонантизма разных позиций в слове и морфеме, малое количество асиллабичных морфем (и их чередование с силлабичными), отсутствие фонологического ударения — все это сближает малайско-яванские языки с изолирующими и слоговыми языками Юго-Восточной Азии. Не противоречит этому и образование новых консонантных групп в начале слога и морфемы — подобные группы отмечаются в архаичных «синитических» языках, а на более поздних стадиях исчезают.

Внутри малайско-яванской группы можно выделить более архаичные и более продвинутое (относительно общих тенденций группы) языки.

<sup>7</sup> Как видно из примеров автора, в символическом изображении правила слогоделения на этой странице допущена опечатка: вместо  $\#(C)V/q$  следует читать, очевидно,  $\#(C)Vq/$ .

<sup>8</sup> См., например, работу И. Раса [38]. Б. Нотхофер проецирует геминацию в «пра-малайско-яванское» состояние. Некоторые соображения о происхождении мадурской геминации см. [39].



К архаичным, наряду с хронологически ранним древнеяванским (и древне-малайским), относятся сунданский и в несколько меньшей степени мадурский. К более продвинутому относятся ачехский, малайские диалекты Полуострова и минангкабау. Литературный малайский и яванский (новояванский) занимают относительно общих тенденций группы среднее положение.

Если общие тенденции в «продвинутых» языках выражены сильнее, то это, возможно, объясняется контактом с языками изолирующего и слогового (близкого к слоговому) типа. У яванского таких контактов нет и, скорее всего, никогда не было, однако некоторые диахронические изменения, в частности, сокращение слогосостава морфемы и образование началь-поконсонантных групп сближают его с «продвинутыми» языками. В связи с этим весьма вероятно, что не все типологические изменения малайско-яванских языков объясняются контактными воздействием: часть этих изменений обусловлена собственной эволюционной инерцией, т. е. внутренним предрасположением языковой системы к развитию в определенном направлении. Роль контактов в значительной мере сводится к ускорению этой инерции.

Возможно, решению проблемы будут способствовать данные диахронии других языковых сфер: фонологии, морфологии, синтаксиса. Это, однако, выходит за рамки нашей темы. Хотелось бы лишь обратить внимание на многозначность диахронических явлений: некоторое изменение имеет последствия не только для «собственного» языкового уровня (как, например, утрата аффикса — для морфологии), но и для других уровней (компонентов, сфер) языковой системы. В этом можно видеть один из аспектов системности языковой эволюции.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Nothofer B.* The reconstruction of Proto-Malayo-Javanic. 's-Gravenhage, 1975.
2. *Blust R.* The reconstruction of Proto-Malayo-Javanic. An appreciation.— *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*, 1981, d. 137.
3. *Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х.* Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
4. *Оглоблин А. К.* О языковых контактах в яванском ареале.— В кн.: Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983.
5. *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.
6. *Шарадзенидзе Т. С.* Типология языков в синхроническом и диахроническом плане. Тбилиси, 1982, с. 44.
7. *Яхонтов С. Е.* Общие тенденции развития синтетических языков.— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XI. М., 1971, с. 269.
8. *Hutterer C. J.* Über die Möglichkeit einer historischen Typologie der germanischen Sprachen.— In: Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages. Amsterdam, 1970.
9. *Сирк Ю. Х.* К вопросу о подразделении австронезийской семьи языков.— В кн.: Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 6. М., 1982.
10. *Dahl O. Chr.* Proto-Austronesian. Lund, 1976.
11. *Вольф Е. М.* Некоторые особенности структуры слова в португальском языке (в сравнении с испанским).— В кн.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970, с. 246.
12. *Fokker A. A.* Tatabunyi Sunda.— *Bahasa dan Budaja*, 1953, v. 1, no. 6.
13. *Uhlenbeck E. M.* De structuur van het Javaanse morpheem. Bandung, 1949.
14. *Щуко Е. М.* Слоговая структура двухсложной корневой морфемы в индонезийском языке.— В кн.: Сборник статей по восточному языкознанию. М., 1973, с. 174.
15. *Gonda J.* Indonesian linguistics and general linguistics.— *Lingua*, 1950, v. 2, no. 3, p. 323.
16. *Зубкова Л. Г.* Консонантная и слоговая структура слова в индонезийском языке.— В кн.: Малайско-индонезийские исследования. М., 1977.
17. *Poerwadarminta W. J. S.* Baoesastra Djawa. T. I. Jogjakarta, 1931.
18. *Toorn J. L.* Minangkabausch-Maleisch-Nederlandsch woordenboek. 's-Gravenhage, 1891, p. IX.
19. *Cowan H. K. J.* Aanteekeningen betreffende de verhouding van het Atjehsch tot de Mon — Khmer-talen.— *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*, 1948, d. 104.
20. *Casparis J. de.* L'importance de la disyllabie en javanais.— In: *India antiqua*. Leiden, 1947, p. 76.
21. *Ismail Hussein.* Malay dialects in the Malay Peninsula.— *Nusantara*, 1973, № 3.
22. *Оглоблин А. К.* Малайский язык и его диалекты (о существовании полярных тенденций в языке).— *Вестн. ЛГУ*, 1983, № 2.
23. *Snouck H. C.* Studiën over Atjehsche klank- en schriftleer. Batavia, 1892, p. 14.

24. *Hendon R. S.* The phonology and morphology of Ulu Muar Malay (Kuala Pilah District, Negri Sembilan, Malaya). New Haven, 1966.
25. *Kähler H.* Dialect and language (investigated with some examples from Indonesian languages).— *Lingua*, 1965, v. 15.
26. *Kern H.* Kawi-studiën. Arjuna — wiwāha. Zang I en II. 's-Gravenhage, 1871, p. 2.
27. *Horne E. C.* Beginning Javanese. New Haven — London, 1961, p. XXIX.
28. *Теслякин А. С.* Древнеяванский язык (кави). М., 1963, с. 45 и 59.
29. *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
30. *Grijns C. D.* Jakarta speech and Takdir Alisjahbana's plea for the simple Indonesian word-form.— In: *Papers on Indonesian languages and literatures*. London — Paris, 1981.
31. *Stokhof W. A. L.* Tatabunyi bahasa Indonesia.— *Dewan Bahasa*, 1980, no. 1, ms. 43.
32. *Asmah H. Omar.* The phonological diversity of Malay dialects. Kuala Lumpur, 1977.
33. *Robins R. H.* Diversions of Bloomsbury. Selected writings on linguistics. Amsterdam—London, 1970.
34. *Зубкова Л. Г.* О гармонии гласных в индонезийском языке.— В кн.: *Языки Юго-Восточной Азии. Вопросы морфологии, фонетики и фонологии*. М., 1970.
35. *Stevens A. M.* Madurese phonology and morphology. New Haven, 1968.
36. *Павленко А. П.* Сунданский язык. М., 1965, с. 39.
37. *Sarkar B.* Corpus of the inscriptions of Java. V. II. Calcutta, 1972, p. 61.
38. *Ras J. J.* Lange consonanten in enige Indonesische talen.— *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*, 1968, d. 124.
39. *Dahl O. Chr.* Early phonetic and phonemic changes in Austronesian. Oslo, 1981, p. 110 sqq.